

Научная статья

УДК 343.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>

EDN: <https://elibrary.ru/tfcndg>

NIJON: 2003-0059-4/24-098

MOSURED: 77/27-003-2024-04-297

Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс

Валентина Николаевна Куфлева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, val_swatch@mail.ru

Аннотация. Современное уголовное право, в связи с развитием экономической и информационной преступности, в очередной раз столкнулось с проблемой определения круга лиц, подлежащих уголовной ответственности. Ее оптимальное решение немалосмыслимо вне понимания общего контекста и истории развития уголовно-правовой отрасли. На основе историко-правового метода доказываем, что человекомерное понимание уголовного права предопределяло и одновременно было предопределено развитием учения о преступлении как о свободном, волевом и виновном деянии, и о наказании как мере принуждения, призванной исправить виновное лицо, скорректировать и устранить его порочную волю. В соответствии с этим, генеральной закономерностью развития уголовного права на всем протяжении его истории было последовательное ограничение круга субъектов преступления и субъектов уголовной ответственности исключительно людьми. Пересмотр или корректировка этой закономерности в части признания субъектами ответственности юридических лиц или систем искусственного интеллекта не могут обуславливаться исключительно прагматическими соображениями, но требуют (при условии их реализации) пересмотра фундаментальных оснований отрасли уголовного права.

Ключевые слова: субъект преступления, лицо, совершившее преступление, субъект уголовной ответственности, история уголовного права, историко-правовой метод

Для цитирования: Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление: историко-правовой экскурс // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 82–87. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>. EDN: TFCNDG.

Original article

The person who committed the crime: historical and legal excursion

Valentina N. Kufleva

Kuban State University, Krasnodar, Russia, val_swatch@mail.ru

Abstract. Modern criminal law, in connection with the development of economic and information crime, is once again faced with the problem of determining the circle of persons subject to criminal liability. Its optimal solution is unthinkable without understanding the general context and history of the development of the criminal legal industry. The article, based on the historical and legal method, proves that the humane understanding of criminal law predetermined and was at the same time predetermined by the development of the doctrine of crime as a free, volitional and guilty act, and of punishment as a measure of coercion designed to correct the guilty person, correct and eliminate his vicious will. In accordance with this, the general pattern of development of criminal law throughout its history has been the consistent limitation of the circle of subjects of crime and subjects of criminal liability exclusively to people. Revision or adjustment of this pattern in terms of recognition by subjects of liability of legal entities or artificial intelligence systems cannot be determined solely by pragmatic considerations but require (subject to their implementation) a review of the fundamental foundations of the branch of criminal law.

Keywords: subject of the crime, person who committed the crime, subject of criminal liability, history of criminal law, historical-legal method

For citation: Kufleva V. N. The person who committed the crime: historical and legal excursion. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024;(4):82–87. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-4-82-87>. EDN: TFCNDG.

Лицо, совершившее преступление, выполняя в системе уголовно-правового регулирования функции субъектов права, уголовно-правового отношения, преступления и уголовной ответственности, выступает, без преувеличения, центральным элементом всех отраслевых конструкций уголовного права, точкой, в которой фокусируется и сквозь которую преломляются уголовно-правовые предписания. В конечном счете уголовное право всем своим содержанием обращено именно к лицу, определяя его в качестве персонифицированного источника угроз безопасности и объекта карательного, исправительного,

предупредительного воздействия. По этой причине представление о лицах, вовлеченных в орбиту уголовно-правового регулирования, отражает фундаментальные, методологические основания понимания права как такового, раскрывает его социальную природу и предназначение. В связи с этим исследование категории лиц в уголовном праве обладает не только инструментально-прикладным, но более широким, теоретическим и философским значением.

Теоретические представления о носителе специфических уголовно-правовых функций, чтобы быть убедительными, должны строиться на основе надеж-

© Куфлева В. Н., 2024

ного и верифицируемого эмпирического фундамента. С учетом особенностей рассматриваемой проблемы представляется, что в качестве такового могут выступать нормативные решения, касающиеся определения субъекта преступления и уголовной ответственности. В исследовательском плане такой подход не должен вызывать сомнений. При развитом уровне теории субъектов права традиционно «выводится» понимание субъекта преступления и ответственности из общего представления о субъекте права, сверяя нормативные решения с теоретическими постулатами. Однако для того, чтобы сформировать саму теорию субъектов, требуется обратная логика — от частных нормативных решений к концептуальным построениям. Законодательные решения и практика их применения в этом случае служат эмпирической основой теории. В этом проявляется единство дедуктивной и индуктивной логики правового познания.

При этом представляется принципиально важным исследовать эмпирические основания теории в их исторической динамике, в определенной степени абстрагируясь от текущего момента правового регулирования. Именно история, движение нормативных решений в рассматриваемой области способны выявить основные закономерности формирования и развития представлений о лицах в уголовном праве, и именно эти закономерности, выявленные и проанализированные, должны составлять суть и содержание формируемой теории. Обращение к истории, между тем, не стоит воспринимать как попытку сугубо историко-правового анализа поднятой проблемы. Его цель в данном случае иная; она состоит не в выявлении исторических тенденций развития нормативных положений о субъектах преступления и уголовной ответственности, а в выявлении на основании полученных данных содержательных закономерностей в развитии права. Это позволяет в некоторой степени пренебречь строгой исторической последовательностью, сосредоточиться не на хронологическом аспекте динамики права и закона, а на ее содержательном изменении.

Анализ памятников древнего и средневекового права убедительно свидетельствует, что общая логика развития нормативных представлений о субъекте преступления и уголовной ответственности развивалась (до определенного момента и с определенными отступлениями) в направлении последовательного «отсечения» из круга таких субъектов всего того (и всех тех), что (кто) не обладает свободой воли и моральным сознанием.

Исходным пунктом этого развития, его философской и идеологической основой был антропоморфизм — форма познания, предполагающая перенос качеств человека на окружающий его мир, и связанный с ним социальный антропоморфизм, т. е. уподобление личности и общества. Человек изначально был склонен наделять окружающий мир свойствами собственного существа и рационально его объяснять. Как пишет П. Л. Лавров, «человек вполне понимает деятельность только по аналогии со своей деятельностью... Выше себя он не знает ничего, и все воображаемые им совершенства суть только отвлеченные рассудком или расширенные фантазией человеческие совершенства. Поэтому везде, где он видит или предполагает деятельность, он склонен неизбежно к предположению и человеческих страстей, и человеческих форм. ... Чем на низшей степени развития стоит человек, тем бессознательнее и неумеримее он следует этом стремлению. Только впоследствии, когда наука его отучила вполне доверяться своей фантазии и критика стала настороже против ее увлечений, он мало-помалу вытесняет антропоморфизм и антропатизм из различных нечеловеческих сфер» [9, с. 108].

Антропоморфизм и социальный антропоморфизм проявлялись в сфере раннего уголовного права вполне отчетливо.

Во-первых, правовые представления и право как таковое допускали применение уголовных (человекомерных) наказаний к неодушевленным предметам. Хрестоматийными в данном случае являются свидетельства легенд о царе Ксерксе, приказавшем в 480 г. до н. э. высечь воды Геллеспонта, штормовые волны которого разрушили понтонный мост накануне его битвы при Саламине, пронзить море раскаленным железом и бросить в него цепи. Сюда же следует отнести и законодательство средневековой Англии (Правда короля Альфреда, IX в. [20, с. 404–411]), признававшее субъектом ответственности за неумышленное убийство дерево, которое должно было быть собственником леса выдано родственникам погибшего с тем, чтобы они вывезли его из страны [10, с. 163]. Из разряда этих же свидетельств дело угличского набатного колокола, казненного отсечением языка и ссылкой в Тобольск за то, что в 1591 г. он известил жителей Углича о смерти царевича Дмитрия, чем вызвал народное волнение.

Во-вторых, средневековое право содержит многочисленные свидетельства применения уголовных наказаний к животным и судебным процессам над ними [21; 16, с. 25–47]. Как писал Я. А. Канторович,

«при всей абсурдности этих процессов, есть нечто трогательно-наивное в этом третировании животных как равных, в этом признании за животными, как за божьими созданиями, права действовать на земле и отвечать за свои действия. Они живут среди людей не вне закона, их не наказывают по произволу и капризу, а предоставляют правосудию взыскивать с них, на основании законов и с предоставлением им всех законных гарантий справедливого и законного суда. За ними признается, наравне с людьми, право на существование на земле. Это право может быть у них отнято только по постановлению законной власти и только в том случае, если они злоупотребляют этим правом и причиняют человеку вред» [7, с. 6].

В-третьих, средневековое уголовное право — это, среди прочего, и право, допускающее наказание коллективных субъектов. В древнерусском праве этот момент связывается обычно с дикой вирой, которая предусматривалась в ст. 4–8 Пространной редакции Русской правды [13, с. 108–137]. Дикая вира платилась общиной в случае, если на ее территории найден труп, а община не предприняла мер к нахождению преступника и не отвела «следа» от себя. Антропоморфизм в данной ситуации выражается не столько в «одушевлении» коллективного субъекта, наделенного сознанием, сколько в осторожном проведении метафорического сходства между процессами индивидуальной и социальной психологии, при котором антропоморфное уподобление индивидуального и коллективного становится вспомогательной методологической эвристикой [19, с. 11].

Оценивая эти правовые положения с точки зрения современного учения о предназначении права, надо признать, что они не только отражали мифологический символизм сознания средневекового общества, но и выполняли значимые прагматические функции.

Как указывают, например, Ю. В. Грачева и А. И. Чучаев, судебные процессы над животными преследовали общественно-воспитательные цели: стереть совершенное злодеяние из памяти людей и утратить его владельца видом казни животного. Они были продиктованы общественной пользой и предупреждением для людей. Наказания животных должны побуждать собственников к более тщательному уходу за ними, удерживать их самих от преступных действий [6, с. 353]. Наказание общины дикой вирой, по мнению Н. С. Таганцева, который не считал его уголовным в собственном смысле этого слова, носило значимый фискально-полицейский характер [18, с. 15], выражало, как пишет Э. В. Георгиевский,

ответственность общины за нарушение общегосударственных интересов в условиях формирования и укрепления верховной государственной власти [3, с. 182–183].

Иными словами, символизм средневекового права в его антропоморфном понимании субъектов преступления и ответственности, сочетался (возможно, интуитивно) с прагматизмом, с необходимостью решать какие-то дополнительно значимые общественные проблемы. Однако со временем этот синкретизм, неразделенность символизма и прагматизма уже не могли уживаться в рамках одной правовой отрасли. Под влиянием, в том числе, христианства, гуманистической философии в уголовном праве утверждаются современные представления о том, что уголовное наказание может быть обращено только к человеку как сознательно действующему лицу, т. е. лицу, в котором имеется душа.

По иронии судьбы либо в силу диалектического единства развития мира, именно элементы прагматизма сыграли значимую роль в обосновании этого решения. Речь идет об известной позиции средневековых канонистов, обосновавших формулу о невозможности привлечения к ответственности и наказания церкви. Развивая учение римских легистов, ими было предложено понимание церкви в качестве корпорации, которое впоследствии было перенесено и на все иные светские объединения людей. Корпорации были признаны самостоятельным субъектом права, и именно они впервые были названы в праве «лицом». Ведущая роль в развитии канонического учения о лицах принадлежит, как известно, Папе Римскому Иннокентию IV, который в 1245 г. «открыл мысль о том, что юридическое лицо существует, собственно, лишь в понятии и благодаря фикции»; оно «не существует в действительности, но есть лишь отвлеченное понятие». Иннокентий IV утверждал, что корпорация есть субъект исключительно правовой, но не личный («nomina sunt juris et non personum»), она существует лишь в понятии и не одарена телом («universitas est nomen intellectuale et res incorporalis»). А «так как у корпорации тело отсутствует, то необходимо признать, что она не имеет воли, действовать же могут лишь ее члены, не сама корпорация». Отсюда — вполне последовательный шаг к признанию того, что корпорация не может совершить преступления («impossibile est, quod universitas delinquat») [4, с. 18–21].

Таким образом, в истории (в том числе истории развития права) происходит постепенный переход от антропоморфного понимания мира к антропологическому.

ческому, при котором в центр земной, общественной жизни помещается человек и занимает в нем центральное место. Понятно, что в условиях господства религиозного мировоззрения этот процесс сопровождался определенными оговорками и ограничениями. Но, тем не менее, именно человек и его свободная воля, предопределяющие как выбор совершаемых поступков, так и, соответственно, способность нести за них ответственность перед светской властью и перед богом становятся центральными идеями уголовной политики и уголовного права.

В этом переходе нельзя четко зафиксировать какой-либо конкретной даты или отрезка времени, в рамках которого он состоялся. Переход обнаруживает себя именно как тенденция, развивавшаяся на всем протяжении периода средневековья и окончательное утвердившаяся к моменту его завершения.

Показательны в этом отношении, к примеру предписания ст. 18 и 20 гл. XXII Соборного Уложения 1649 г. В ст. 18 указано: «А будет такое убийство учинится от кого без умышления потому, что лошадь от чего испужався, и узду изорвав рознесет, и у держати ее будет не мочно: и того в убийство не ставити, и наказания за такое дело никому не чинити, для того, что такое дело учинится без хитрости». Ст. 20 гласит: «А будет кто, стреляючи из пищали, или из лука по зверю, или по птице, или по примете, и стрела, или пулька всплвет, и убьет кого за горою, или за городьбою, или кто каким нибудь обычаем кого убьет до смерти деревом, или камнем, или чем нибудь, не нарочным же делом, а недружбы и никакия вражды наперед того у того, кто убьет, с тем, кого убьет, не бывало, и сыщется про то допряма, что такое убийство учинилось ненарочно, без умышления: и за такое убийство никого смертию не казнити, и в тюрьму не сажати по тому, что такое дело учинится грешным делом, без умышления» [14, с. 433].

Эти нормативные положения уже не только категорически исключают ответственность нечеловеческих объектов (лошади, дерева, камня), но и ответственность человека, который невиновным образом был прикосновенен к причинению вреда этими объектами.

Наряду с ограничением круга субъектов преступления и ответственности только человеком, ограничивается и круг самих людей, вовлекаемых в сферу уголовно-правового регулирования. Со временем это уже не просто человек, но человек, способный к саморегуляции, т. е. способный делать сознательный выбор, быть виновным и нести ответственность за сделанный выбор и за вину.

На этот счет уже в законах английского короля Кнута (XI в) в ст. 76.2 можно обнаружить следующее предписание: «В прежнее время допускалось, что ребенок, лежавший в колыбели, хотя бы он не вкушал еще никакой пищи [кроме материнского молока], жадными людьми считался столь же виновным, как если бы он был [вполне] сознательным. Но я впредь строго запрещаю это, а также многие другие вещи, которые весьма неуютны богу» [20, с. 412–417]. В русском праве аналогичные положения, фиксировавшиеся изначально в Кормчей книге, к XVII в. получили закрепление в светских памятниках. В ст. 79 Новоправных статей о татевных, разбойных и убийственных делах (1669 г.), прямо зафиксировано: «А в градских законах написано: творяй убийство волею коего любо еще есть возраста, мечем муку да примет. Да в градских же законах написано: еще седми лет отрок, или бесный убьет кого, не повинен есть смерти» (это же правило повторялось и в ст. 108) [15, с. 423].

Мысль о тесной, неразрывной связи воли и вины лица, с одной стороны, и его ответственности, — с другой стала господствующей к моменту зарождения уголовно-правовой науки. Вся классическая уголовно-правовая доктрина воспринимала ее как незыблемое исходное положение уголовно-правовой теории. В первом российском учебнике по уголовному праву, подготовленном О. Гореглядом, фиксируется: «кто действовал без всякого участия воли и разума, тот не может быть в том виновен» [5, с. 84]. Г. И. Солнцев, автор второго русского учебника, пишет: «Преступление есть деяние свободное, следовательно, к вменению требуется: 1) чтобы учинивший какое-либо деяние, преступлением именуемое, имел разум и свободную волю» [17, с. 56]. Признавая преступлением лишь виновное деяние, Л. С. Белогриц-Котляревский заключал, что «субъектом его может быть только человек как лицо, одаренное ответственной волею» [1, с. 108].

Тезис о вменяемом человеке как субъекте преступления, субъекте ответственности (можно сказать и шире — субъекте уголовного права) можно считать «цементирующим» для теории уголовного права. Он непосредственно был связан с пониманием преступления, во-первых, как физически проявляемого деяния, во-вторых, как деяния свободно-волевого и виновного. Он служил предпосылкой учения о вине как одном из центральных институтов, определяющих как опасность преступления и лица, его совершившего, так и адекватные этой опасности меры государственного воздействия. Он же коррелировал с учением о целях уголовного наказания, призван-

ного исправить виновное лицо, скорректировать и устранить его порочную волю. Таким образом, весь каркас основных институтов уголовного права создавался и развивался будучи ориентированным на человека как на лицо, совершившее преступление и способное нести за него ответственность [8, с. 35].

Эта общая укорененность тезиса о лице в уголовном праве исключительно как о человеке, не исключала отдельных отступлений от нее, даже в начале XX столетия. Как показывают специальные исследования, на волне революционной перестройки всех оснований общественной, политической и правовой жизни законодательство первых лет советской власти допускало уголовную ответственность юридических лиц (в частности, периодических изданий за нарушение законодательства о печати, а равно иных лиц — за нарушение декретов об отделении церкви от государства), уголовную ответственность семейных, сельских и иных сообществ по правилам круговой поруки за укрывательство контрреволюционных преступлений или нарушение законодательства о продовольственной разверстке [11].

Однако эти отступления, обусловленные, прежде всего, спецификой историко-политического момента и политической целесообразностью, имели мало общего с генеральной, объективной тенденцией развития права и потому не могли ее опровергнуть. Можно уверенно утверждать, что в отечественной правовой науке и практике к середине прошлого столетия мысль о возможности признания субъектом преступления, субъектом ответственности, субъектом уголовно-правового отношения и как итог — лицом в уголовном праве только человека стала не просто господствующей, но общепризнанной, была возведена в разряд непререкаемой догмы. Как писал В. С. Орлов, «советское уголовное законодательство исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, т. е. физическое лицо. ...Эта принципиально правильная и научно обоснованная позиция, занимаемая уголовным законодательством СССР вытекает из сущности социалистического общественного строя» [12, с. 206]. «Именно к человеку как субъекту совершенного им преступления применяются меры уголовного наказания, имеющие своей целью его исправление и перевоспитание», — подтверждал В. А. Владимиров [2, с. 7].

Признание исключительно человека в качестве лица, способного совершить преступление и нести за него ответственность, выступая мощным ограничителем сферы применения уголовно-правового воздей-

ствия и регулирования, по причине именно своего сдерживающего характера всегда оставалось под прицелом критики со стороны некоторых специалистов. Причем сила критической оценки всегда возрастала, как правило, на переломных этапах развития государства и общества. В этом отношении вполне закономерно, что трансформационные процессы конца XX в. и начала XXI в. озаменовали очередной период попыток пересмотра устоявшейся концепции в части обоснования возможности привлечения к ответственности корпораций и систем искусственного интеллекта. Такие вызовы требуют тщательной и глубокой проработки ответа, в том числе с учетом накопленного историей опыта решения вопроса о лице, совершившем преступление.

Список источников

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев : Типо-лит. И.И. Чоколова, 1903.
2. Владимиров В. А., Левицкий Г. А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1964.
3. Георгиевский Э. Ф. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2013.
4. Гervagen Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1888.
5. Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб. : Тип. И. Иоаннесова, 1815.
6. Грачева Ю. В., Чуцаев А. И. Суд над животными и костры инквизиции // Юридическая наука в Китае и России. 2017. № 1. С. 349–358.
7. Канторович Я. Процессы против животных в средние века. СПб., 1897.
8. Караваева Ю. С. Субъект преступления в уголовном праве России: учеб. пособие. Пермь, 2020.
9. Лавров П. Л. О религии. М., 1989.
10. Молчанов Б. А. Субъект преступления в законодательствах государств Европы средневекового периода // Гуманитарные науки и образование. 2014. № 3. С. 162–166.
11. Окунева М. О. Субъект преступления в уголовном законодательстве первых лет советской власти // Вестник Московского Университета. 2017. № 2. С. 92–99.
12. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. М., 1958.
13. Памятники русского права. В 8 т. Т. 1. / сост. А. А. Зимин. М., 1952.

14. Памятники русского права. В 8 т. Т. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957.

15. Памятники русского права. В 8 т. Т. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии второй половины XVII в. / под ред. Л. В. Черепнина. М., 1963.

16. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб., 2012.

17. Солнцев Г. И. Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым: Казань, 1820 / под ред. и с вступ. ст. Г. С. Фельдштейна. Ярославль, 1907.

18. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. Учение о преступлении. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1874.

19. Хорошилов Д. А. Антропоморфизм — методологическая стратегия или ловушка для социальной психологии? // Психологические исследования. 2019. Т. 12. № 63. С. 11.

20. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. В 2 т. Т. 1. М., 2007.

21. Evans E. P. The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

References

1. Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Textbook of Russian criminal law. General and Special parts. Kiev : Tipo-lit. I.I. Chokolova, 1903.

2. Vladimirov V. A., Levitsky G. A. The subject of crime under Soviet criminal law. M., 1964.

3. Georgievsky E. F. Formation and development of general provisions of ancient Russian criminal law. M. : Yurlitinform, 2013.

4. Gervagen L. L. The development of the doctrine of a legal entity. SPb. : I.N. Skorokhodova Type, 1888.

5. Goreglyad O. The experience of the outline of Russian criminal law. Part 1. About crimes and punishments in general. SPb. : I. Ioannesova Type, 1815.

6. Gracheva Yu. V., Chuchaev A. I. Animal trial and bonfires of the Inquisition // Legal science in China and Russia. 2017. No. 1. P. 349–358.

7. Kantorovich Ya. Trials against animals in the Middle Ages. SPb., 1897.

8. Karavaeva Y. S. The subject of crime in the criminal law of Russia: studies. stipend. Perm, 2020.

9. Lavrov P. L. On religion. M., 1989.

10. Molchanov B. A. The subject of crime in the legislations of the European states of the medieval period // Humanities and education. 2014. No. 3. P. 162–166.

11. Okuneva M. O. The subject of crime in the criminal legislation of the first years of Soviet power // Bulletin of the Moscow University. 2017. No. 2. P. 92–99.

12. Orlov V. S. The subject of a crime under Soviet criminal law. M., 1958.

13. Monuments of Russian law. In 8 vols. Vol. 1. / comp. A. A. Zimin. M., 1952.

14. Monuments of Russian law. In 8 vols. Vol. 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich in 1649 / edited by K. A. Sofronenko. M., 1957.

15. Monuments of Russian law. In 8 vols. 7. Monuments of law of the period of the creation of the absolute monarchy of the second half of the XVII century / edited by L. V. Cherepnin. M., 1963.

16. Pasturo M. Symbolic history of the European Middle Ages / trans. with fr. E. Reshetnikova. SPb., 2012.

17. Solntsev G. I. Russian criminal law, set forth by the doctor of both rights, former rector of Kazan University Gavriil Solntsev: Kazan, 1820 / ed. and with an introduction by G. S. Feldstein. Yaroslavl, 1907.

18. Tagantsev N. S. Course of Russian criminal law. The Part Is Common. Book 1. The Doctrine of crime. SPb. : Type. M. Stasyulevich, 1874.

19. Khoroshilov D. A. Anthropomorphism — a methodological strategy or a trap for social psychology? // Psychological research. 2019. Vol. 12. No. 63. P. 11.

20. Anthology on the history of state and law of foreign countries / ed. by N. A. Krashennnikov. In 2 vols. Vol. 1. M., 2007.

21. Evans E. P. The criminal prosecution and capital punishment of animals. London, 1906.

Информация об авторе

В. Н. Куфлева — доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kufleva — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.08.2024.
The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 01.07.2024; accepted for publication 01.08.2024.